

В поэтическом даре Маяковского всегда была очень сильна лирическая струя. В самые ранние годы появляются стихи, обращенные к той, что на всю жизнь станет Музой поэта, — Лиле Брик.

В то время, когда разворачивается полемика: может ли и должен ли современный писатель обращаться к интимным переживаниям, к теме любви, В. Маяковский посвящает ей поэму "Люблю". Но чувство любви воспринимается и отражается поэтом не так, как оно воспринималось и отражалось в традиции классики XIX в. Это не только глубоко личные переживания. Еще более далеко это от того, что подразумевают под любовью обыватели. "Обыкновенному" ("Обыкновенно так" — название первой части произведения), обыденному восприятию чувства противопоставлено восприятие, сформировавшееся в душе поэта. В этом основной конфликт лирической по своей жанровой доминанте поэмы. Любовь, данная, по мысли В. Маяковского, любому человеку от рождения, в сердцах обыкновенных людей "между служб, доходов прочего" "поцветет, поцветет — и скукожится". Утрата любви — жизненный закон, против которого восстает поэт. Его чувство неизменно и верно. О том, как оно возникло, развивалось и крепло, повествуется в последующих четырех главах. Сердце поэта, еще с детства способное вместить все мироздание, в юношестве подвергается испытанию на прочность тюремным заключением ("Меня вот любить учили в Бутырках"), сытой обеспеченности власть имущих противопоставлены безденежье и одиночество ("Я жирных с детства привык ненавидеть, всегда себя за обед продавая"). Но торговать чувством любви в отличие от "жирных" поэт не может. Чувства его безграничны — "Громада любовь, громада ненависть". Любовь переполняет поэта, он готов отдать ее людям, но она никому не нужна — слишком огромна. И вот, наконец, появляется женщина, "разглядевшая просто мальчика" в этом сильном великане, которая "взяла и просто отобрала сердце".

Так развивается конфликт в трех последующих главах поэмы. Наивысшего напряжения противоречие, вызванное неразделенностью чувства любви, достигает в главе "Ты", и здесь же оно разрешается: отдав свое сердце любимой, поэт счастлив. Три

завершающие главы раскрывают причину его счастья. Оно не в том, чтобы сохранить сокровища сердца, как банкиры хранят свой капитал, а в том, чтобы подарить сердце тому, кого любишь. В способности дарить любовь, ничего не желая взамен, и заключается, по В.Маяковскому, секрет ее неизменности и вечности.

С Маяковским Лиля познакомилась в 1915 году. К ней его привела младшая сестра Эльза. Она окончила 8-й класс гимназии, и за ней ухаживал молодой поэт Владимир Маяковский. Их роман начался в 1913 году. Маяковский тогда был франтом — брал напрокат визитку, цилиндр, трость из дешевого магазина на Сретенке. Увлекался картами и, уговорившись с Эльзой прокатить ее в Сокольники на извозчике, проигравшись накануне, катал ее на трамвае мимо площади, которая впоследствии носила его имя. Он приходил к ней в гости или засиживался допоздна, провожая ее, но Лилю ни разу там не видел. Он ездил к ней на дачу в Малаховку, которую снимала семья. Родители Эльзы его не жаловали, и он старался не попадаться им на глаза. И однажды, гуляя с ним по лесу, она услышала впервые "Если звезды зажигают" и полюбила его поэзию навсегда. Роман их был искренний, нежный, временами бурный — с разговорами и примирениями, как полагается.

"Июль 1915 года. Радостнейшая дата. Знакомлюсь с Л.Ю. и О.М. Бриками", — записал Маяковский много лет позже в автобиографии. Эльза привела поэта к Брикам, дом которых скоро стал и его домом, их семья — его семьей. По словам самой Лили Юрьевны Брик, до встречи с Маяковским у них с мужем "интерес к литературе был пассивный" и выражался главным образом в том, что они любили читать друг другу вслух. Пишет она и о признаках меценатства, которые были в них ("свезли одного поэта в Туркестан, оттого что он любил Восток"). Слово "меценатство" можно употребить, говоря и о начале отношений О.М. Брика к Маяковскому. Поэт рассказал о себе, о мытарствах с изданием поэмы, и предприимчивый Брик решил организовать чтение ее у себя.

В тот же вечер Маяковский попросил разрешения посвятить ей поэму и надписал над заглавием "Лиле Юрьевне Брик". Маяковский сразу влюбился в Лилю Брик, но как же на это отреагировала ее сестра? Лиля Юрьевна с детства умела влиять на сестру и подчинять ее своей воле. И Эльза не порвала ни с Лилей, ни с Владимиром Владимировичем, а, страдая и досадуя, подчинилась "обстоятельствам" и сохранила с Маяковским прекрасные отношения до конца его дней. А до конца своих дней — восторг перед его поэзией, который она испытала еще в ранней юности.

Маяковский ухаживал за Лилей бурно, безоглядно. Ему нравилось и то, что перед ним была дама, женщина другого круга — элегантная, умная, воспитанная, до конца непознаваемая, с прекрасными манерами, интересными знакомыми и лишенная всяких предрассудков. Когда ей хотелось, то "светскость" она приглушала ироничной богемностью: и эксцентричными клетчатыми чулками, и расписной шалью с лисьим хвостом, и варварскими украшениями — смотря по настроению. Она была начитана не меньше Бурлюка, который был для него авторитетом, и в дальнейшем таким же авторитетом станет для него Лиля. Они встречались каждый день и стали неразлучны, но его чувства доминировали. Лиля же была спокойнее и умела держать его на расстоянии, от которого он сходил с ума. Она любила его, но не без памяти. Он скоро стал звать ее Лилей и на "ты", а она долго обращалась к нему на "вы" и звала по имени и отчеству, соблюдая "пафос дистанции". Она была то нежна с ним, то отчужденно-холодна, и Маяковскому казалось, что Лиля околдовала его, вселила в него безумие. Он отвечал на все ее перепада отчаянием и стихами, которые приводили ее в восторг. На дворе стоял 1915 год. Маяковский переехал на Надеждинскую улицу, чтобы быть поближе к Лиле. Конечно, Брик не мог догадываться об их отношениях, хотя поначалу встречи проходили скрытно: Владимир Владимирович приглашал ее в дом свиданий, ему нравилась эта необычная обстановка, красный штоф, позолота и зеркала ... Возможно, Лиля все же надеялась наладить с Осей жизнь, которая "рас-пол-злась" не по ее желанию. И приходилось скрывать встречи, приходилось учить Маяковского хранить тайны, которые он не умел хранить. Но никто из троих не говорил на эту тему, ибо Лиля наложила запрет на выяснение отношений. А ее решение было непререкаемо и для Брика, и для Маяковского. Всегда.

"Он выбрал себе семью, в которую, как кукушка залетел сам, однако же не вытесняя и не обездоливая ее обитателей. Наоборот, это чужое, казалось бы, гнездо он охранял и

устраивал, как свое собственное устраивал бы, будь он семейственником. Гнездом этим была семья Бриков, с которыми он сдружился и прожил всю свою творческую биографию". Так вспоминает Николай Асеев. Действительно ли Маяковский нежно и искренне дружил с Осипом Бриком или это были иные отношения, более сложные и запутанные, быть может более деловые?

По форме этот вопрос — риторичен и уже содержит в себе ответ. Однако на деле он решается не так-то просто. "Дорогой, дорогой Лилик!", "Милый, милый Осик!..", "Целуй его (Осю) очень...", "Мы" с Оськой по возможности ходим вместе и только и делаем, что разговариваем о тебе. (Тема — единственный человек на свете — Киса)... Но все эти поцелуи не проясняют картины, а, наоборот, еще больше затуманивают. Потому что суровую дружбу соперников мы еще как-то можем себе представить, но нежная любовь любовника к мужу — это уже нечто непредставимое, это выше любых возможностей.

Брики были единственной семьей Маяковского, со всем тем, что бывает в семейной жизни: ласками и ссорами, дружбой и враждой, любовью и ненавистью.

Что же касается интимной стороны вопроса, то кто, кроме одного из троих мог внести необходимую ясность? Все прочие окружавшие Маяковского люди, даже самые-самые близкие, терялись в догадках. Например, Вероника Полонская пишет: "Я никак не могла понять семейной ситуации Бриков и Маяковского. Они жили вместе такой дружной семьей, и мне было неясно, кто же из них является мужем Лили Юрьевны. Вначале, бывая у Бриков, я из-за этого чувствовала себя очень неловко".

Сама Лиля Юрьевна писала на полях одной из рукописей: "Физически О.М. не был моим мужем с 1916 г., а В.В. — с 1925 г.". Осип Брик был при Лиле Юрьевне чем-то вроде старшей подруги, товарки, всегда умиленной и снисходительной. Видимо, такой уж он был человек, что его утраивала эта роль. По-видимому, после нескольких лет любви Маяковскому отводилась сходная роль, и он с этой ролью также смирился, но, в отличие от Брика, без всякой готовности, далеко не сразу и не мирным путем. Но, несмотря на все вышесказанное, Л.Ю. любила О.М. "Трагедия двух людей из "треугольника", которых Маяковский называл своею семьей, заключалась в том, что Лиля Юрьевна любила Брика, но он не любил ее. А Владимир Владимирович любил Лилю, которая не могла любить никого, кроме Осипа Максимовича. Всю жизнь она любила человека, физически равнодушного к ней", - писала одна женщина, которая была долго знакомой с ними и близко их наблюдала.

Втроем они жили во всех квартирах в Москве, на даче в Пушкине. Одно время снимали домик в Сокольниках и жили там зимой, ибо в Москве была теснотища. У поэта была небольшая комната в коммуналке на Лубянской площади, куда он мог уединяться для работы. Втроем с 26-го по 30-й — последние четыре года — Маяковский и Брики жили в крохотной квартирке в Гендриковом переулке на Таганке.

В те годы обручальные кольца для Лили являлись признаком буржуазности, с которой воевал Маяковский. Поэтому они обменялись перстнями-печатками. На ее перстне он выгравировал инициалы Л Ю Б. По кругу они читались, как ЛЮБЛЮ — ЛЮБЛЮ. Эти три буквы поэт будет ставить как посвящения, художники — вписывать в орнаменты на его книгах. На огромном перстне Маяковского она заказала сделать его инициалы по-латыни: W M.

Вспоминая Маяковского в те далекие петроградские годы, Л.Ю. писала: "Совсем он был тогда еще щенок, да и внешностью ужасно походил на щенка: огромные лапы и голова — и по улицам носился, задрал хвост, и лаял зря, на кого попало, и страшно вилял хвостом, когда провинится. Мы его так и прозвали — Щеном". Он и в письмах к ней, и в телеграммах подписывался Щеном и подобранного им щеночка назвал Щен.

В 1918 году они расстались почти на пять месяцев — он уехал по делам в Москву, и письма его полны желанием скорее увидеться и жалобами на одиночество.

В Москве Маяковский снова сблизился с Бурлюком, они издали "Футуристическую газету", выступал он и на поэтических вечерах в Политехническом, в "Питтореске" — кафе поэтов. Он пытался издать на деньги, занятые у друзей, "Облако" без цензурных изъятий и поэму "Человек". Затея удалась, и он тут же послал книжки Лиле. Он увлекся кинематографом. В мае она приехала в Москву, и они снялись в картине "Закованная фильмой" фирмы "Гомон". На экране оживала история художника, который ищет настоящей любви. Он видит сердца женщин — в одном деньги, в другом — наряды, в третьем — кастрюльки. Наконец он влюбляется в балерину из фильма "Сердце экрана". Он так неистово аплодирует ей, что она сходит к нему в зал. (Художника играл Маяковский, балерину — Лиля Брик.) Но балерина скучает без экрана, и после разных приключений — возвращается на пленку. В уголке плаката художник с трудом разбирает название фантастической киностраны, где живет та, которую он потерял, — "Любландия". Художник бросается на поиски киностраны.

Вернувшись в 1918 году весной обратно в Петроград после съемок фильма, они сняли за городом, в Левашове, три комнаты. Приехав туда, Елена Юльевна, мать Лили, все поняла. Поняла, что добропорядочный брак дочери распался, что она связала свою жизнь с Маяковским, который недавно еще ухаживал за ее младшей дочерью и которого она гнала от нее как человека чуждого им круга.

Когда Лиля Юрьевна при Бrike сошлась с Маяковским, родные Владимира Владимировича тяжело переживали ситуацию, которую не в состоянии были ни понять, ни принять. Но время сделало свое дело — семейные отношения наладились и, в общем, продолжались еще десять лет после смерти поэта. Затем его мать и сестра отринули от себя Лилю Юрьевну. А старшая сестра Людмила Владимировна до конца своих дней была злейшим ее врагом.

Осенью 1918 года все трое переехали в Москву и поначалу жили в коммуналке в Полуэктовом переулке. Из-за холода снесли все теплые вещи в одну комнату: ее было легче отопить — одну. Лиля Юрьевна и Владимир Владимирович уже не скрывали своей связи, и всем было ясно, как он ее боготворил и как она верховодила. Она не хотела иметь детей ни раньше от Брика, ни теперь от него. Позднее она говорила: "Обрекать человека на те мучения, которые мы постоянно испытываем? Ведь если бы у меня был сын, то он наверняка бы загремел бы в 37-м, а если бы уцелел, то его убили бы на войне". Но вообще она чужих детей любила, была с ними ласкова и щедра. Жизнь была трудна, и хотя Маяковский и брик работали интенсивно и Лиля служила в "Окнах Роста", раскрашивая по трафарету агитплакаты, денег из-за дороговизны не хватало. Лиля заболела авитаминозом и начала опухать. Маяковский выбивался из сил и страдал.

В 1921 году им удалось получить две комнаты в общей квартире в Водопьяновом переулке, возле почтамта. В одной, столовой, стояла кровать Лили за ширмой и надпись гласила: "На кровать никому садиться не разрешается". Во второй комнате, в кабинете, жил Осип Максимович. У Маяковского была комната тоже в коммуналке, неподалеку, на Лубянке. Там он работал. Отношения с Маяковским были ровными, он не был ревнив и категоричен, и их жизнь на даче в Пушкине 1920 — 1921 годов Л.Ю. вспоминала как самую спокойную и мирную. По воскресеньям приезжало много гостей. Маяковский и Лиля много гуляли, собирали грибы — они составляли большое подспорье в еде. Во время прогулок поэт был неразговорчив, думая о своем или сочиняя. Лиля сначала

обижалась, потом поняла его. Он часто ездил в Москву по делам, и не было случая, чтобы он вернулся без цветов для нее.

Любовь Маяковского и Лили Юрьевны была не простой, она не раз достигала кризисных рубежей. В годы, когда революция ломала и пересматривала все на свете, казалось, что и человеческие отношения должны найти новую форму, новые взаимосвязи. И что любовь, верность, ревность тоже в известной степени претерпят изменения, и отношения людей в чем-то станут другими. Авангард нес новую идеологию и недвусмысленно заявлял о своих намерениях переустроить не только жизнь нового общества, но и каждого человека в частности. А Лилиа Юрьевна и Владимир Владимирович исповедовали именно эту идеологию. Осенью 1922 г. отношения между Маяковским и Л.Ю. выдержали кризис, первое серьезное испытание после "легализации" их романа в 1918 г. Кризис назрел во время поездки в Берлин в октябре — ноябре и вспыхнул в конце декабря: по инициативе Л.Ю., она и Маяковский приняли решение прожить два месяца врозь — он в своей рабочей комнате в Лубянском проезде, она в квартире в Водопьяновом переулке.

Разлука должна была длиться ровно два месяца, до 28 февраля 1923 г. За это время Маяковский ни разу не посетил Л.Ю. Он подходил к ее дому, прятался на лестнице, подкрадывался к ее дверям, писал письма и записки, которые передавались через прислугу или через общих знакомых; он посылал ей цветы, книги и другие подарки, как, например, птиц в клетке — напоминание о ситуации, в которой находился. Л.Ю. отвечала краткими записочками, несколько раз они виделись случайно. Л.Ю. и Маяковский должны были пересмотреть свое отношение к быту, к любви и ревности, к инерции повседневной жизни, к "чаепитию" и т.д. Маяковский старался это сделать; тем не менее месяцы самоиспытания не привели к большим изменениям в их жизни, да и Маяковскому это было не важно — лишь бы они были вместе и впредь. 28 февраля в три часа дня истек для Маяковского "срок заключения". В восемь часов вечера они встретились с Л.Ю. на вокзале, чтобы поехать на несколько дней вместе в Петроград. Войдя в купе, Маяковский прочитал ей только что законченную поэму "Про это" и заплакал ...

Странную поэму написал Маяковский. Казалось бы, она действительно "про это", а вчитаешься — все-таки больше про другое. Недаром ее тема напрямую не названа. "Про что, про это?" — спрашивает автор и слово "любовь", подсказанное рифмой, зачем-то заменяет многоточием. Если отбросить всю научную фантастику, все картины аллегорических превращений, как всегда, искусно и многословно реализующие каждый речевой оборот, то останется несколько ярких и крепких кусков, где выражены те же основные мотивы, что и в дооктябрьских стихах и поэмах: обида, ревность и ненависть. Ревность и ненависть. Но к кому? Нет более уклончивого произведения, чем эта, самая конкретная поэма, изобилующая деталями повседневности и иллюстрированная фотографиями. Традиционная маяковская ненависть, доведенная здесь до предельной черты, до максимальной количественной концентрации, изливается куда-то в абстракцию, в ничто.

По-разному выражал свою ненависть Маяковский, бывало по душе, а бывало по службе, не всегда эти чувства сливались в одно. Но здесь не может быть никаких сомнений, здесь такая напряженность, здесь искренне, по душе, как никогда — не приемлет и ненавидит. Только что же именно?

Обыденщина, мелочинный рой, сердце раздиравшие мелочи... В поэме, однако, этот повтор столь настойчив, что не может настораживать. Ответ, адресат должен совпадать с повседневным бытом и может быть найден только там, где этот повседневный быт располагался, — не на невском мосту, не в придуманном нэповском доме, а в квартире Бриков, на четвертом этаже. Для Маяковского обыденщина, квартирошный дымок и ненавистный быт — это не просто вкусная еда и теплая ванна, против которых он ничего не имеет. Повседневное окружение его любимой: вороны-гости, друзья-соперники — вот главное препятствие на пути его любви. Это и названо всеми нехорошими словами, принятыми в то время к употреблению. И самое страшное, корень трагедии — в том, что ведь и сама любимая — неотъемлемая часть всего этого, и если он ни в чем ее не обвиняет, то только оттого, что любит.

Трагична, безвыходна любовь Маяковского, неустранимо препятствие на ее пути, по крайней мере в этой, сегодняшней жизни. Но поэме Маяковского в 23-м году до зарезу необходим оптимистический выход, без него она состояться не может. И Маяковский такой выход находит, убивая себя и воскресая в будущем, в далеком и замечательном тридцатом веке. Там он, может быть, снова встретит свою любимую: "Нынче недолюбленное наверстаем..." А препятствие? А не будет никакого препятствия. Его, препятствие, не воскресят.

1924 год был переломным в развитии отношений между Л.Ю. и Маяковским. Сохранилась ее записочка к Маяковскому, в которой она заявляет, что не испытывает больше прежних чувств к нему, прибавляя: "Мне кажется, что и ты любишь меня много меньше и очень мучаться не будешь".

Одна из причин этой перемены в их отношениях очевидна. В письме от 23 февраля 1924 г. Л.Ю. спрашивает: "Что с А.М.?" Александр Михайлович Краснощеков, бывший председатель и министр иностранных дел правительства Дальневосточной республики, в 1921 г. вернулся в Москву и в 1922 г. стал председателем Промбанка и заместителем Наркомфина. Л.Ю. познакомилась с ним летом того же года. Между ней и Краснощековым начался роман, о котором знал Маяковский. В сентябре 1923 г. Краснощеков был арестован по необоснованным обвинениям и присужден к тюремному заключению.

Осенью 1924 г. Маяковский уехал в Париж. После одной недели во французской столице Маяковский пишет Л.Ю.: "... писать я не могу, а кто ты и что ты я все же совсем, совсем не знаю. Утешать ведь все же себя нечем ты родная и любимая, но все же ты в Москве и ты или чужая или не моя". Л.Ю. ответила: "Что делать. Не могу бросить А.М.

пока он в тюрьме. Стыдно! Так стыдно как никогда в жизни". Маяковский: " Ты пишешь про стыдно. Неужели это все что связывает тебя с ним и единственное что мешает быть со мной. Не верю! Делай как хочешь ничто никогда и никак моей любви к тебе не изменит". Л.Ю. была не права, полагая в своей записочке, что он любит ее "много меньше" — ничто не могло подорвать его любви к ней, и он "мучился".

После возвращения из Америки (1925) отношения между ним и Л.Ю. окончательно перешли в новую фазу. В апреле 1926 г. Брики и Маяковский переехали в квартиру в Гендриковом переулке. Парадоксально, что Маяковский и Л.Ю. съехались в одну квартиру теперь, когда кончилась уже их "супружеская" жизнь. На самом деле этот факт — только лишнее свидетельство глубокой дружбы, связывавшей этих людей; новые, эмоционально менее напряженные отношения между Маяковским и Л.Ю. являлись скорее всего необходимым условием для такого бытового эксперимента.

Осенью 1928 года Маяковский опять едет в Париж. Помимо чисто литературных дел, поездка имела и другую цель. 20 октября он поехал в Ниццу, где отдыхала его американская подруга Элли Джонс с дочкой, которую он признавал своей. Встреча была неудачной; уже 25 октября он вернулся в Париж. Вечером того же дня Маяковский познакомился с Татьяной Алексеевной Яковлевой, молодой русской, в 1925 г. приехавшей в Париж. Маяковский и Т. Яковлева сразу влюбились друг в друга.

Маяковский покинул Париж в начале декабря, но вернулся туда уже в феврале 1929 г.; в этот приезд он пробыл там два с лишним месяца. Он предложил Т.Яковлевой стать его женой и уехать с ним в Россию — мысль, которую она "встретила уклончиво". Но роман их продолжался, и Маяковский собирался вернуться в Париж в октябре того же года. Однако поездка не удалась из-за проблем с визой.

11 октября 1929 г. Маяковский узнал о том, что Т.Яковлева выходит замуж за французского виконта. Переживал он эту весть очень тяжело. Конец романа с ней стал одновременно началом последнего периода его жизни. Продолжались поиски любви, которая могла бы его "спасти". Еще летом 1929 г., задолго до вести из Парижа, Маяковский начал ухаживать за актрисой Вероникой Полонской, и эта связь теперь углублялась. Маяковский виделся с Бриками в последний раз 18 февраля 1930 г., когда они уезжали за границу. Последняя открытка Маяковскому была отправлена из Амстердама 14 апреля, в день самоубийства...

Любовь В. Маяковского и Л. Брик была очень непростой. Многие в отношениях этих двух людей остаются непонятным, однако ключ к пониманию этой любви можно найти в воспоминаниях Фаины Раневской. Она пишет: "Вчера была Лиля Брик, принесла "Избранное" Маяковского и его любительскую фотографию. Говорила о своей любви к покойному... Брику. И сказала, что отказалась бы от всего, что было в ее жизни, только бы не потерять Осю. Я спросила: "Отказались бы и от Маяковского?". Она не задумываясь ответила: "Да, отказалась бы и от Маяковского, мне надо было быть только с Осей". Бедный, она не очень-то любила его. Мне хотелось плакать от жалости к Маяковскому и даже физически заболело сердце".